

ЮЛИУС ЭВОЛА В СЕКРЕТНЫХ ДОКУМЕНТАХ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Под редакцией Н. Коспито и Х.-В. Нойлена

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 94(430)"1933/1945"
ББК 63.3(4Гер)62
Ю35

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с итальянского — Олег Молотов.

Ю35 Юлиус Эвола в секретных документах Третьего Рейха: Под ред. Н. Коспито и Х.-В. Нойлена / Пер. с итал. О. Молотова. — М.: Тотенбург, 2025. — 180 с.

В данном издании собраны материалы, большей частью секретные, из архивов Министерства иностранных дел Германии, относящиеся к периоду 1933–1945 гг. и связанные с деятельностью известного итальянского мыслителя-традиционалиста Юлиуса Эволы. Документы проливают свет на детали международных контактов итальянского мыслителя и демонстрируют, насколько его идеи отличались от официальных позиций национал-социализма. В частности, подробно освещена попытка создания совместного итало-немецкого журнала «Кровь и дух». В числе представленных материалов — две статьи Ю. Эволы, ранее не переводившиеся на русский язык.

**УДК 94(430)"1933/1945"
ББК 63.3(4Гер)62**

© Олег Молотов,
перевод с итальянского,
примечания, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Никола Коспито</i>	
МИФ О ДВОЙНОМ ОРЛЕ	4
<i>Ханс-Вернер Нойлен</i>	
ЮЛИУС ЭВОЛА И МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ	22
МАТЕРИАЛЫ, КАСАЮЩИЕСЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ НАЦИОНАЛИСТОВ	35
МАТЕРИАЛЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ЮЛИУСА ЭВОЛЫ	47
МАТЕРИАЛЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ИТАЛИИ	165
ПУБЛИКАЦИИ ЮЛИУСА ЭВОЛЫ В НЕМЕЦКИХ ЖУРНАЛАХ В 1933–1945 ГГ.	173

МИФ О ДВОЙНОМ ОРЛЕ

Сегодня благодаря усилиям смелых и нонконформистских издательств имя и мысли Юлиуса Эвола начинают обретать достаточную известность в Италии. Однако о деятельности этого писателя-традиционалиста за рубежом в тридцатые годы и во время Второй мировой войны, особенно в германском мире, известно очень мало. Тем не менее это была интенсивная и непрерывная деятельность, выразившаяся в десятках лекций, статей и очерков на различные темы, а также в издании на немецком языке некоторых его основных произведений. Эвола часто ездил в Австрию и Германию, и как раз во время своих длительных поездок по немецкой земле, благодаря в том числе отличному владению немецким языком, он смог наладить плотную сеть контактов и связей как с консервативно-революционными кругами, так и с высшими иерархами Рейха. С другой стороны, если автор «Восстания против современного мира»¹ на самом деле питал большую симпатию к немецкой нации и культуре, как и в целом ко всему лежащему севернее Альп миру, то столь же верно и то, что он пользовался большим уважением и авторитетом среди наиболее чутких интеллектуальных кругов и властей Рейха, которые предоставили ему свободу выражения и суждения, обычно недоступную самим немцам.

Достаточно подробную информацию о деятельности Эвола в Германии теперь предоставляет

---

¹ Основополагающий труд Ю. Эвола. Русское издание: Эвола, Ю. Восстание против современного мира. — М.: Тотенбург, 2016. — *Прим. пер.*

это досье из документов, собранных министерством иностранных дел Рейха (*Auswärtiges Amt*). Они были обнаружены в Государственном политическом архиве Бонна нашим немецким другом Хансом-Вернером Нойленом, адвокатом из Кельна и уже признанным историком, в ходе его нескончаемых исследований и кропотливой работы. Сегодня они впервые представлены итальянской публике.

Речь идет о неопубликованных документах, в основном секретных или весьма конфиденциальных, с пометкой *Geheime Reichssache* («дела государственной важности»). Они относятся к периоду 1933–1945 гг. и касаются личности, идей и работ Эволы, а также его контактов в Германии. Первые из них, составленные в 1934–1937 гг., касаются связей с юристом-международником Гансом К. Э. Л. Келлером, основателем и президентом организации под названием «Международное объединение националистов» (*Internationale Arbeitsgemeinschaft der Nationalisten*)². Но в первую очередь документы этого досье затрагивают расовый вопрос в аспекте официальной итальянской позиции, личных идей Эволы на эту деликатную тему, которые, несомненно, не совпадали с немецкими, в перспективе издания журнала о расе, который должен был издаваться совместными усилиями специалистов из двух стран. Этот проект, поддержанный поначалу обеими сторонами, впоследствии не был реализован — в основном из-за давления, оказанного на Муссолини с одной стороны церковниками, а с другой — чиновниками, занимавшимися расовыми вопросами. Эти чиновники, буду-

---

² Эвола тщательно изучил теории Ганса К. Э. Л. Келлера в очерке под названием «Концепции будущего устройства наций» (*Vedute sull'ordine futuro delle nazioni*, "La vita italiana", XXIX, 342, октябрь 1941, стр. 270–281).

чи инициаторами «расового манифеста» 1938 года, который Эвола считал во многих отношениях недостаточным, и ранее не упускали случая проявить открытую враждебность по отношению к писателю-традиционалисту, чьи духовные установки, полностью чуждые всякому биологическому материализму, они не разделяли.

Спустя годы в своей автобиографии под названием «Путь киновари»³ Эвола размышлял о признании и оценке, полученных в Германии его произведениями, в частности, «Восстанием против современного мира». Об этой работе Готфрид Бенн писал, что это «работа, чья исключительная важность кажется ясной в надвигающиеся годы. Читатель почувствует себя преобразившимся и посмотрит на Европу по-новому...», а Вильгельм Штапель, директор журнала *Deutsches Volkstum*, подчеркивал его захватывающий стиль и почти магическую силу. Но сам Эвола отмечал: «Ничего подобного не было и не будет написано в той стране, где мне было суждено родиться»⁴, — с горечью и разочарованием подчеркивая молчание «официальной культуры» Италии, которая систематически игнорировала его работы и продолжила игнорировать их впоследствии. И в самом деле, известно, что при режиме Муссолини, в условиях господства культуры, не освободившейся от мелкобуржуазных рамок и чуждой подлинно революционной мысли, Эвола оставался одиночкой, исключенным из общественной жизни. Он заведовал специальной страницей в кремонской газете «Реджиме фашиста» (*Regime Fascista*), издаваемой Ро-

---

³ Русское издание: Эвола, Ю. Путь киновари. — М.: Ex Nord Lux, 2018. — Прим. пер.

⁴ Julius Evola. *Il cammino del cinabro*, Milano, 1963, p. 150.

берто Фариначчи, — это была его единственная официальная должность.

Совсем иным, как мы уже говорили, было отношение к Эволе в Германии — несмотря на то, что сам писатель, будучи весьма близок к кругам «консервативных революционеров», не скупился на критику и резкие суждения в отношении основ национал-социалистического режима.

Говоря о своем пребывании и деятельности в Рейхе, сам Эвола признавал, что пользовался особой неприкосновенностью, благодаря которой мог свободно говорить, наблюдать, критиковать — что «для немца было бы сопряжено с риском угодить в концентрационный лагерь». Эвола никогда не скрывал, что хотел так или иначе повлиять на взгляды режима, который, по его мнению, узурпировал идеи и даже сам язык «консервативной революции», смягчая ее идею государства, *Ordenstaatsgedanke*, и двигаясь по пути вульгарного и по сути плебейского популизма. Он же, напротив, ощущал необходимость утверждения высшей концепции государства — государства, действительно управляемого Орденом со строгим отбором, аристократической элитой, дисциплинированной единым спартанским стилем жизни и способной воплотить определенную традицию и судьбу⁵. Исходя из этого, Эвола считал, что и расовый вопрос следует рассматривать с целью придания общим установкам иного характера — менее материалистического и более духовного, чуждого всякому биологизму и любому дарвинизму, более или менее неявному. Именно с этой целью он начал осуществлять свою деятельность в Центральной Европе — деятельность, которая развернулась как в предвоен-

---

⁵ См. J. Evola, *op. cit.*, p. 151.

ные годы, так и во время войны, и которая часто приводила его в Вену и Берлин. В Вене писатель вошел в контакт с интеллектуальными кругами старой аристократии; он познакомился, среди прочих, с Отмаром Шпанном, теоретиком *истинного государства*, а также завязал большую дружбу с принцем Карлом Антоном Роханом. В Германии же он лично познакомился с Альфредом Розенбергом, автором знаменитого «Мифа XX века» и официальным теоретиком национал-социалистического расизма. Тот поначалу считал, что нашел в итальянском исследователе сторонника своих идей, но на самом деле позиции Эвола радикально расходились с позициями немецких расистов. Он прекрасно понимал, что трактовка расового вопроса национал-социалистическими деятелями была довольно ограниченной и в основном подчиненной политическим целям пангерманизма. Она была лишена всяких духовных и сакральных корней: миф крови был встроен в биологический сциентизм, который не мог скрыть свои материалистические основы. Отсюда возникала идея, общая для теоретиков природной эволюции, что высшее может зависеть от низшего, и убеждение, что «только лишь профилактические биологические меры, то есть меры в области физической расы, могут привести к почти автоматическому восстановлению всех аспектов жизни рода и нации»⁶. Эвола, по сути, отвергал фетишизм физической расы, составлявший сущность, глубочайший корень национал-социалистической концепции.

Когда в 1938 году в Италии был обнародован «Расовый манифест» — событие, которое во многих кругах расценивалось как простое следование за

---

⁶ Evola, *op. cit.*, p. 161.

гитлеровской Германией, Эвола ощутил неотложную необходимость внести в освещение расового вопроса собственный вклад, сохранив свою независимость и оригинальность. В его работе, озаглавленной «Об арийско-римском выборе фашистской Италии» (*Sulla risoluzione ario-romana dell'Italia Fascista*), можно прочесть: «Выбор новой Италии является столь же недвусмысленным, сколь и серьезным и обязывающим. Мы провозгласили то, чего до вчерашнего дня никто не осмеливался утверждать... а именно, фундаментальное значение расы для построения итальянской культуры. Эта культура должна всемерно поддерживать не только арийский в общем, но и, в частности, арийско-римский и нордически-арийский характер той идеи, что должна стать основой для формирования нашей расовой мысли, а также для защиты и укрепления этой мысли и нашей традиции. "Концепция расовой доктрины в Италии должна быть определена прежде всего в нордическо-арийском смысле" — таковы точные слова манифеста, составленного по согласованию с высшими фашистскими властями и заложившего основы расового поворота фашизма в июле 1938 года».

Прежде всего он выступил против тех, кто считал расизм «импортным товаром», не осознавая политического поворота, определившегося с образованием африканской империи Италии, и забывая, что фашистская революция всегда выражала потребность вызвать к жизни *нового человека* и создать в перспективе *нового итальянца*. Также, критикуя оппортунистическую позицию тех, кто внезапно обнаружил, что является расистом, он пытался исправить искажения, неточности, ошибки тех, кто путал понятия народа, нации и расы, говоря даже об итальянской

расе: «Термины "итальянская раса", "немецкая раса", "англосаксонская раса" и даже "еврейская раса" не являются ни научными, ни удачными. Все современные народы — это смеси рас, и в основе их единства лежат обычно не расовые, а иные элементы».

При этом не следует забывать, что Эвола был одним из наиболее подготовленных и компетентных исследователей в этой области. Его книга «Миф крови»⁷, опубликованная в 1937 году, обозревая всю историю расовых идей и подробно анализируя основные генетические и антропологические теории, равно как и теории наследственности, предоставила возможности многочисленных уточнений и разъяснений и заложила основы разработки расовой доктрины, которая затем была исчерпывающе и систематически изложена в работе «Синтез расовой доктрины», опубликованной в 1941 году и вышедшей также и в немецкой версии. Именно в этой работе Эвола развил те соображения о «расе духа», которым, как видно из документов Министерства иностранных дел, суждено было вызвать несогласие и противодействие немецких чиновников, компетентных в этом вопросе.

Выделяя *расу тела*, *расу души* и *расу духа* и утверждая необходимость полной гармонии этих трех компонентов для достижения реальной расовой «чистоты», неразрывно связывая эту гармонию с отношением «отдельных людей к священному, к судьбе, к проблеме жизни и смерти, в мировоззрении, в религиях и т. д.», утверждая примат внутренней расы над внешней, чисто биологической, Эвола фактически не мог разделять немецкие взгляды, которые, напротив, были сфокусированы главным обра-

---

⁷ Русское издание: Эвола, Ю. Миф крови. — М.: Тотенбург, 2023. — Прим. пер.

зом, если не почти исключительно, на «материальном» образе. И руководители немецкого Министерства иностранных дел, осознавая эти расхождения, но также и оценивая перспективу создания итало-немецкого журнала по расовому вопросу, лихорадочно обменивались информацией о писателе, назначенном официальным представителем Италии в этой инициативе, заказывали экземпляры его работ, которые затем тщательно изучали и анализировали, приглашали его в Германию для постоянных разъяснений идей и тезисов, запрашивали мнения специалистов, способных посоветовать дальнейшие шаги и оптимальную линию поведения. Особого внимания в связи с этим заслуживают резкие слова д-ра Хюттига, члена НСДАП и близкого соратника д-ра Гросса — основателя и руководителя управления расовой политики НСДАП и автора различных публикаций по этой теме. Хюттиг в своем комментарии к «Основам фашистской расовой доктрины», с одной стороны, обвинял Эволу в согласии со спиритуалистическими идеями католической церкви, с другой — упрекал его в размывании понятия расы, в непонимании *единства живого* и прежде всего в том, что итальянский автор не подкреплял свои тезисы прочными научными аргументами.

Таким же образом проф. Боймлер и другие немецкие ученые не могли не выразить своего сомнения и недоумения по поводу концепций Эволы, противоречивших национал-социалистическим постулатам в фундаментальных моментах. Для Эволы фактом являлось то, что расизм должен обладать социально-политической функцией и выражать антиэгалитарную и антирационалистическую позицию. Не случайно, отмечал он, силы, которые противо-

стояли и всегда противостояли расе и аспектам, связанным с ее проблематикой, — это якобинские и ма-сонские силы либерально-демократической ориентации, то есть силы хаоса и распада. Задачей расизма должно быть возвышение и подчеркивание достоинств качеств личности — качеств, не определяемых по внешним признакам, но укорененных в «чем-то глубинном и органическом». В этом смысле и с этими предпосылками, с точки зрения Эвола, не имело смысла упорствовать, например, в еврейском вопросе, не учитывая того, что отрицательное поведение, приписываемое евреям, уже стало характерным для многих арийцев, в которых *высшая внутренняя раса* буквально испарилась⁸.

И именно эта внутренняя раса, понимаемая Эволой как формирующая энергия, определяет внешние формы конкретной традиции, культуры, цивилизации. В отличие от национал-социалистов, Эвола различал *расизм позитивный* и *расизм негативный*. Если последний, действительно, казался нашему автору направленным исключительно на защиту и охрану национального сообщества от изменений, смещений и т. п., то задача первого состоит в том, чтобы отобрать внутри сообщества однородное и обособленное ядро, то есть приступить к выделению «типа высшего человека»⁹. В связи с этим в некоторых последующих документах, что не ускользнуло от внимания немецких властей, Эвола, пытаясь определить то, что действительно является *главным* в этнической реальности итальянской нации, углубляется в тщательные и, если угодно, даже педантичные наблюдения, касающиеся различий

---

⁸ См. J. Evola, *op. cit.*, p. 167.

⁹ См. J. Evola, *op. cit.*, p. 167.

между латинским и средиземноморским миром, между средиземноморскими и арийско-римскими составляющими итальянского народа, которые, как уже отмечалось, проявлялись в определенном стиле, в поведении и общем отношении к жизни — короче говоря, в *мировоззрении*. В этой перспективе фашистская расовая доктрина должна была в первую очередь пробудить арийско-римскую составляющую итальянского народа, подчеркнуть ее достоинства и обеспечить ее решительное преобладание над средиземноморскими компонентами, которые, по мнению писателя, уже привели в прошлом к распаду и закату Римской империи: «Одной из важнейших причин упадка Римской империи следует признать тот факт, что в то время как эта империя расширялась, духовная раса арийско-римского ядра не защищалась и не укреплялась: наоборот, римское гражданство постепенно предоставлялось самым разным смешанным элементам. Многие неблагоприятные аспекты последующей истории Италии объясняются господством индивидуалистических, партикуляристских и хаотичных тенденций средиземноморской крови над арийско-римскими компонентами». С другой стороны, как мы уже упоминали ранее, в самой Италии в области предпочтений и идей, которые должны были быть выдвинуты на первый план при формулировании последовательной и обоснованной расовой доктрины, ситуация была довольно запутанной. Среди документов, тщательно собранных службами Министерства иностранных дел Рейха, выделяется рецензия за подписью Роберто Поцци, опубликованная в июньско-июльском номере 1941 года миланского журнала «Геополитика».

Уже само название — «Приключения расизма» — позволяло понять явно полемический настрой автора, а в самой статье критика взглядов Эвола оказалась особенно язвительной. Поцци обвинял Эвола в том, что он предлагает концепцию расы, основанную на восточном мистицизме, совершенно чуждом итальянскому народу, и упрекал его в игнорировании дарвиновского эволюционизма, трудов Менделя, новейших биологических, антропологических и археологических открытий. Кроме того, ничто не может доказать происхождение — о котором говорил Эвола — нашей расы от гипербореев, после катастрофы, приведшей к исчезновению этого предполагаемого континента (существование которого, впрочем, остается окутанным легендой) переселившихся на мифическую Атлантиду и оттуда прибывших на наши земли. При изучении наших истоков и расы нельзя обходиться без концепций, основанных на позитивных науках.

Несмотря на все эти разногласия и полемику, Эвола последовательно продолжал свои исследования и изыскания, направленные главным образом на то, чтобы как можно ярче подчеркнуть глубокое родство между древним арийско-римским (*ario-romano*) типом и типом нордическо-германским (*nordico-germanico*), которые для него, в конечном счете, представляли собой «две особые формы одного общего изначального типа». В своих работах он стремился указать итальянскому народу путь к устранению наименее благородных компонентов, появившихся со временем, и к новому открытию собственной глубинной сущности, чтобы вновь проявить лучшие качества, основанные на древних арийско-римских добродетелях — *фашистской Италии не-*

обходим соответствующий тип человека — фашистский тип, римский и арийско-римский тип, тип одновременно новый и древний. Также он стремился установить с Германией и немецким народом более прочную связь, более крепкие узы, вытекающие из общего расового и духовного наследия, а также из общих традиций: «До сих пор латинский и средиземноморский миф играл у нас значительную роль. Утверждалось: "Мы — латины и средиземноморцы, наш народ и наша культура — латинские и средиземноморские. Существует латинская кровь и латинская культурная общность". И этот миф о братстве латинских народов служил удобным оружием в руках тех, кто еще вчера любой ценой стремился противопоставить Италию Германии, или тех, кто хотел бы убедить нас, что между двумя нациями невозможно никакое взаимопонимание за пределами сугубо политических интересов».

В целом, Эвола, как он сам подчеркивал в своем очерке «О вкладе римской традиции в новую Германию», опубликованном на курируемой им странице газеты «Реджиме фашиста» 16 ноября 1941 года и сразу же отмеченном немецким Министерством иностранных дел, не видел союз Италии и Германии ограниченным лишь политико-идеологическим уровнем, а стремился выделить и подчеркнуть все аспекты, все элементы, которые так или иначе могли бы воплотить то, что он называл *мифом о двойном орле — римском и германском*. При этом, хотя Эвола и признавал большую расовую чистоту немецкого народа по сравнению с итальянским и ценил немецкий вклад в сохранение и возвышение имперской идеи в Средние века, он критиковал натуралистический мистицизм, нибелунговский романтизм,

сентиментальную тоску и отмечал негативное влияние Рихарда Вагнера, в котором видел «фальсификатора и искажителя древней мифологии и древнегерманского эпоса».

Таким образом, Германии тоже необходимо было преодолеть эту внутреннюю слабость и найти свою подлинную душу. В этом и мог бы помочь Рим, который при помощи своей традиции мог бы указать «правильное направление» в обращении к *олимпийскому духу*, равно как и помочь в *борьбе за мировоззрение*. Эти довольно острые замечания, хотя и продиктованные благородными намерениями и направленными на достижение более глубокого единства между двумя народами, конечно же, не могли встретить одобрения немецких властей: слова Эволы вызывали у них недоумение и настороженность. Первыми были сотрудники немецкого посольства в Риме, которые считали расовые концепции Эволы малообоснованными, если не вовсе оторванными от жизни, и в любом случае неподходящими для продвижения итало-германского сотрудничества. Немецкие дипломаты в Риме, подробно информируя Берлин о работах Эволы, даже настаивали на систематическом опровержении содержащихся в них тезисов. В любом случае даже расхождения во взглядах не привели к жестким формулировкам или неразрешимым противоречиям. Немцы прекрасно понимали важность той роли, которую Эвола мог бы сыграть в Италии, стимулируя своей деятельностью подъем интереса к расовому вопросу, который, как они знали, не находил там особого отклика. По этой причине они проявляли большое внимание к вопросу поддержки проекта журнала, продвигаемого писателем-традиционалистом, и выражали максимальную

готовность к сотрудничеству. В этом отношении обратим внимание на документы, касающиеся встречи, состоявшейся в Берлине в феврале 1942 года. На этой встрече, посвященной основанию журнала по расовым вопросам и имевшей примечательно закрытый характер, руководители управления расовой политики НСДАП и Министерства иностранных дел, хотя и отмечали необходимость соответствующих уточнений и обмена мнениями, которые должны были способствовать выработке общей линии в реализации этой инициативы, с большой дипломатичностью старались избегать неразрешимых противоречий, которые могли бы поставить под угрозу сотрудничество, направленное, как подчеркивалось, на привлечение внимания Италии как к расовому, так и к еврейскому вопросу. В целом немцы открыто поддерживали сотрудничество во всех сферах, искреннее и товарищеское, которое должно было использовать все возможные средства для укрепления связей между фашистской Италией и нацистской Германией. Такое же желание существовало и с итальянской стороны, поскольку именно министр пропаганды Альфьери еще в 1938 году выступил с инициативой установления контактов для совместной работы в сфере расовой политики. Альфьери дал распоряжение о проведении совместных мероприятий в этой области, и в то время даже разрабатывался проект создания Итало-германской расовой академии.

Но какова была позиция Муссолини по этому вопросу? Что думал глава фашизма о расе и теориях Эволю? Можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на противодействие Эволе со стороны государственных чиновников, Муссолини полностью разделял взгляды писателя- традиционалиста — на-

столько, что после прочтения «Синтеза расовой доктрины» захотел лично выразить автору свою признательность. Дуче понимал, что идеи, изложенные в этой книге, благодаря своей оригинальности могут позволить Италии сохранить независимую и автономную позицию, без чего она будет обречена следовать в фарватере Германии. К тому же арийско-римский миф, провозглашенный Эволой, по своей сути, прекрасно сочетался, вплоть до полного слияния, с культом Рима, неизменно присутствовавшим в фашизме с самых его истоков. Он также воплощал лелеемую Муссолини идею качественного улучшения итальянского народа и формирования высшего человеческого типа, сформированного по образцу древних родовых добродетелей.

Муссолини и Эвола встречались несколько раз, и именно во время одной из этих бесед писатель рассказал дуче о проекте итало-германского журнала о расе, который тот одобрил без всяких оговорок. Но по этому интересному вопросу предоставим слово самому Эволе, который описал этот эпизод в «Пути киновари»: «...я информировал дуче о своих инициативах в Германии: учитывая его одобрение моих идей, эти инициативы могли бы быть развиты, что придало бы им не только личный характер. В связи с этим я изложил проект создания нового журнала под названием "Кровь и дух", который бы выходил в двух редакциях, итальянской и немецкой. В этом журнале могли бы рассматриваться соответствующие проблемы, исходя из идей, изложенных в моей книге. Муссолини сразу же принял это предложение и поручил мне зафиксировать программные пункты журнала, который, как он заявил, выйдет после достижения соглашения с Германией. Так я стал искать

людей, имевших хотя бы минимум квалификации для программы такого рода. После многих утомительных собраний, возглавляемых прекрасным специалистом Альберто Луккини (который, кстати, интересовался также и традиционными науками), главой расового управления министерства народной культуры, группа программных пунктов была сформулирована. На следующей аудиенции я предложил их Муссолини, который одобрил их, не изменив ни запятой. Тогда меня направили в Берлин, чтобы встретиться с другой стороной. Однако этого не произошло, потому что в самом разгаре моих переговоров в итальянское посольство в Берлине пришел приказ все остановить»¹⁰.

Что же могло произойти? Что могло заставить Муссолини так резко изменить свое мнение? Как сообщается в документах Министерства иностранных дел Рейха, при помощи своих информаторов немцы выяснили, что причиной отступления дуче были его опасения, что спиритуалистическая концепция расы, которую предлагал Эвола, может каким-то образом привести к конфликту с католической церковью. На это повлияла его встреча с иезуитом о. Такки-Вентури и главой официального расового журнала «Дифеза делла расца» («Защита расы») Интерланди. Если Такки-Вентури выразил опасения церковных иерархов, то Интерланди выступил против инициативы Эволы, опираясь главным образом на научные аргументы, а также потому, что не разделял ее спиритуалистскую направленность. Эти факты подтверждаются самим Эволой, который так продолжил свой рассказ в «Пути киновари»: «Причины этого стали мне известны намного позже. Узнав о моих

---

¹⁰ J. Evola, *op. cit.*, pp. 169–170.

беседах с Муссолини, некоторые круги в столице встревожились. Это были, с одной стороны, католическая партия, с другой — некоторые представители группы, стоящей за "Расовым манифестом" и руководящие журналом "Дифеза делла рацца". Пока я был в Берлине, они обратились к Муссолини. Опасаясь потерять свое влияние, вторая группа обратила внимание дуче на явный контраст между одобренным Муссолини манифестом и моими идеями — хотя я и сотрудничал с этим журналом (впрочем, никогда не отступая от своей линии). Учитывая мой интерес к эзотерическим дисциплинам, мой расизм был заклеямен "магическим". <...> Что касается католиков, в борьбе с расизмом их интересовала не столько доктрина расы тела, сколько такая доктрина, которая, как моя, выделяла прежде всего расу духа и которая и на уровне духа утверждала принцип неравенства человеческих существ. <...> С иезуитским подходом они не нападали прямо; ни говоря ни слова о том, что их заботило в первую очередь, они нашли способ представить Муссолини доклад, в котором были высвечены все аспекты моих концепций, противоречившие некоторым центральным идеям фашизма: дифференцирующий расизм ставил под угрозу идею национального единства и релятивизировал понятие партии, элементы арийско-римского стиля контрастировали с "латинскостью" — и так далее <...> На Муссолини, несмотря на его вид, было легко повлиять, и он начал сомневаться. Он отдал вышеуказанный приказ, который был передан в посольство в Берлине. Вернувшись в Рим, я понял, что проект журнала на данный момент было решено приостановить»¹¹.

---

¹¹ J. Evola, *op. cit.*, pp. 170–171.

Провал проекта издания этого журнала повлек за собой приостановку деятельности Эволы, который как раз в тот период намеревался начать научное исследование расовых составляющих итальянского народа. В известной мере это усилило его изоляцию. Но как отреагировали немцы на отказ итальянцев от инициативы, которую они сами же и предложили и которая должна была способствовать сотрудничеству двух народов в столь важной и деликатной области, как раса? Они ограничились тем, что приняли к сведению решения Рима без какой-либо заметной реакции — в том числе потому, что военная обстановка ухудшалась, и на первый план выходили военные заботы.

В отношении Эволы стоит еще отметить, что по рекомендации Джованни Прециози, упомянутого в переписке, немецкие власти пригласили его к сотрудничеству с подпольным радиовещательным центром. Об этом свидетельствуют документы за период с 1 по 31 августа 1943 года, включенные в досье Министерства иностранных дел. Однако информация по этому поводу пока что скудна и неточна. Этот вопрос, безусловно интересный, может стать предметом дальнейшего исследования.

Хотелось бы отдельно поблагодарить Государственную библиотеку Кремоны за оказанное содействие в виде предоставления ценных материалов, а также моего друга Винченцо Фратта, увлеченного исследователя мысли Эволы, за исключительно ценные библиографические данные, которыми он любезно со мной поделился.

*Никола Коспито
Рим, январь 1986 г.*